

Брату

Круги моей жизни все шире и шире —
надвешные — вещие суть.

Сомкну ли последний?

Но, видя в мире суть, я хочу рискнуть.

Покуда вокруг Господа, башни веков,
не вскинется дней моих тьма...

Не важно кто — сокол я, вихрь с облаков,
высокий ли стих псалма.

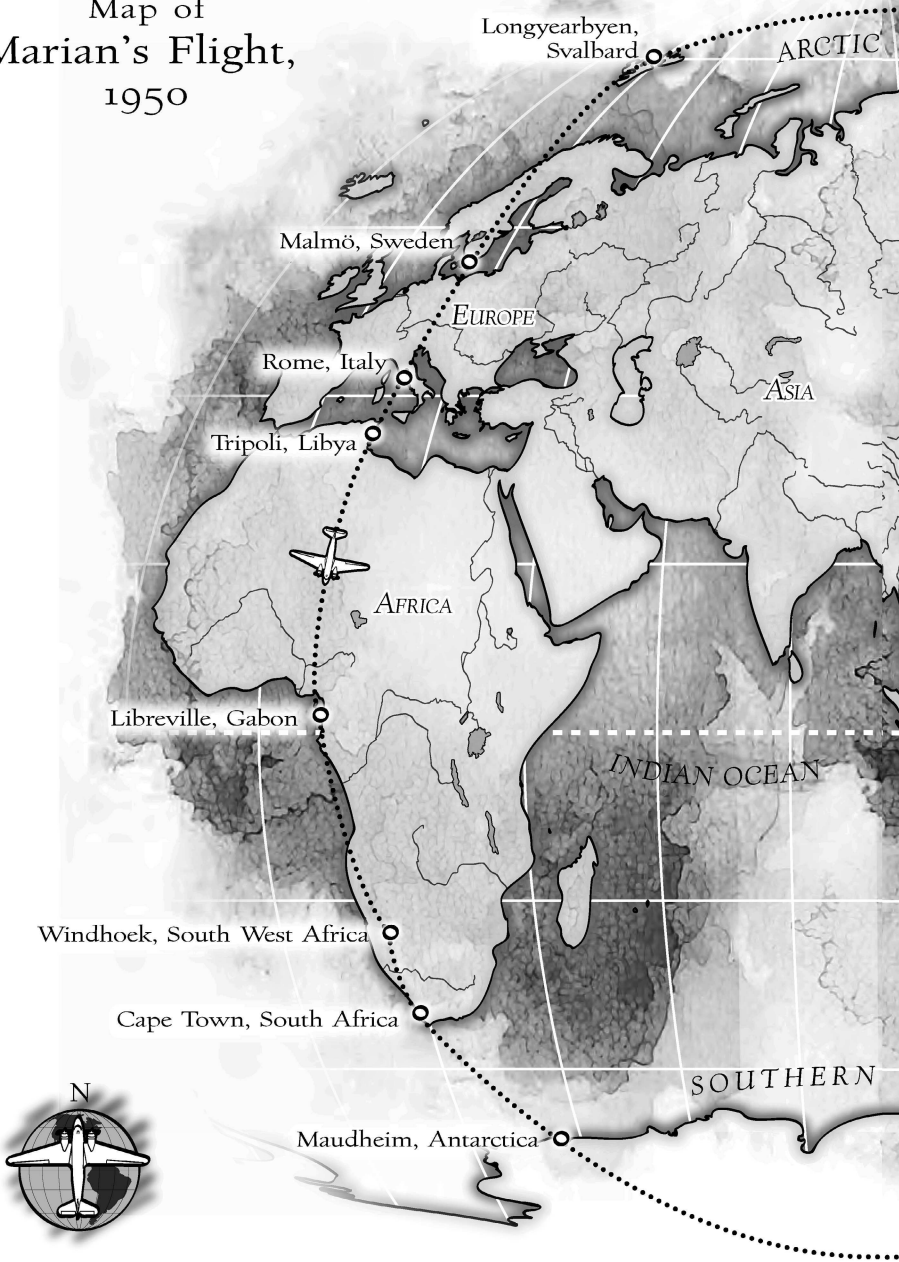
Райнер Мария Рильке, «Часослов»
(пер. А. Прокопьева)

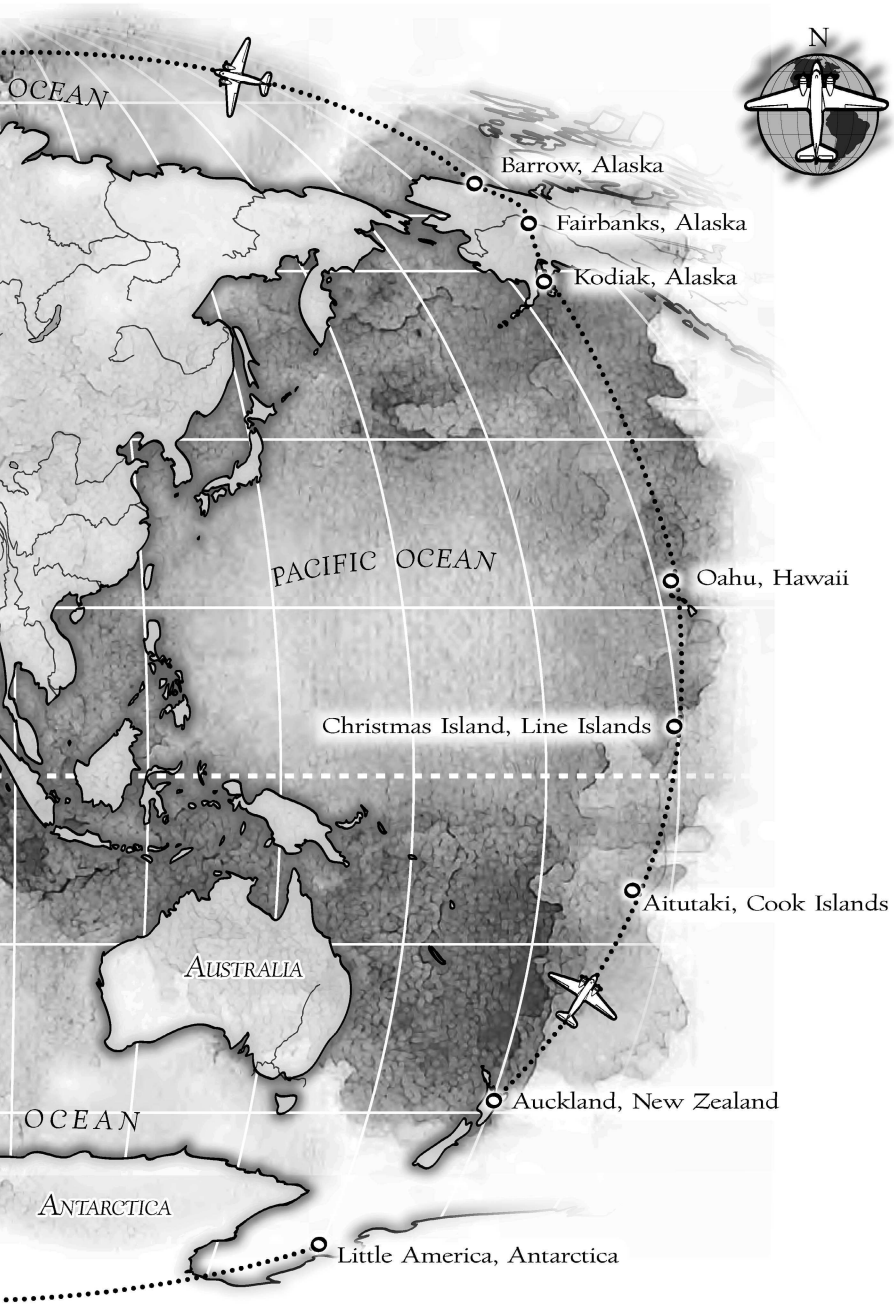
Если ножом разрезать шар на две равные половины, окружность среза будет представлять собой *большой круг*, то есть самый большой круг, который можно начертить на шаре.

Экватор — большой круг. Как и любая долгота. На поверхности шара, например Земли, кратчайшим расстоянием между двумя точками будет дуга, являющаяся частью большого круга.

Через противоположные точки, например Северный и Южный полюса, можно провести бесконечное число больших кругов.

Map of Marian's Flight, 1950

Barrow, Alaska

Fairbanks, Alaska

Kodiak, Alaska

Oahu, Hawaii

Christmas Island, Line Islands

Aitutaki, Cook Islands

Auckland, New Zealand

Little America, Antarctica

AUSTRALIA

PACIFIC OCEAN

OCEAN

OCEAN

ANTARCTICA

*Литл Америка-III,
ледниковый шельф Росса, Антарктида
4 марта 1950 г.*

Я родилась странницей. Я скроена для земли, как морские птицы для волн. Некоторые летают, пока не умрут. Я поклялась себе: мой последний спуск будет не беспомощным падением, а нырком баклана — сознательным погружением, нацеленным на что-то в глубине моря.

Собираюсь в путь. Попытаюсь подтянуть круг снизу, свести конец с началом. Хотелось бы, чтобы линия стала плавным меридианом, идеальным, упругим обручем, но наш маршрут исказила необходимость: случайно раскиданные острова, аэродромы для заправки. Я ни о чем не жалею, но буду жалеть, стоит лишь себе позволить. Могу думать только о самолете, ветре, берегу — таком далеком, там, где опять начинается земля. Погода налаживается. Мы, как могли, заделали течь. Я скоро улетаю. Ненавижу день, не имеющий конца. Солнце кружит вокруг меня, как гриф. Хочу звездной передышки.

Круги, поскольку они бесконечны, поразительная штука. Все бесконечное поразительно. Но в то же время бесконечность — пытка. Я знала, что горизонт поймать нельзя, и все-таки гналась за ним. Глупо, но у меня не было выбора.

Все вышло не так, как я думала, теперь круг почти замкнулся, начало и конец разделены последним, страшным массивом воды.

Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что видела мир, но мира так много, а жизни очень мало. Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что что-то закончила, но теперь вообще сомневаюсь, что можно что-то закончить. Я думала, мне не будет страшно. Я рассчитывала стать больше, но поняла, что я меньше, чем думала.

Никто никогда этого не прочтет. Моя жизнь — мое единственное достояние.

И все же, и все же, и все же¹.

Лос-Анджелес
Декабрь 2014 г.

Мне стало известно о Мэриен Грейвз только потому, что одна из подружек дяди в детстве часто оставляла меня в библиотеке и как-то раз я наткнулась на книгу под названием «Отважные женщины неба» или что-то в этом роде. Мои родители, однажды поднявшись в воздух на самолете, не вернулись, и оказалось, та же судьба постигла немало отважных женщин. Я заинтересовалась. Думаю, я искала человека, который сказал бы мне, что авиакатастрофа не худший способ уйти из жизни, хотя, если бы кто-нибудь действительно так поступил, я бы решила, что в той голове полчища тараканов. В главе о Мэриен говорилось, что ее воспитывал дядя, отчего у меня мурашки побежали по коже, поскольку меня тоже воспитывал (типа воспитывал) дядя.

Славная библиотекарша нарыла мне книгу Мэриен «Море, небо» и что-то там еще, и я пыхтела над ней, как астролог, изучающий звездную карту, в надежде, что жизнь Мэриен каким-то образом объяснит мою собственную, скажет, что делать и как быть. Почти вся ее писанина была мне не по зубам, хоть я и уходила со смутным

¹ Последняя запись из «Море, небо, а между ними птицы. Утраченный журнал Мэриен Грейвз». Нью-Йорк, Д. Уэнслес и сыновья, 1959.

желанием превратить свое одиночество в приключение. На первой странице дневника я большими печатными буквами вывела: «Я РОДИЛАСЬ СТРАННИЦЕЙ». Больше, правда, так ничего и не написала, ведь как двигаться дальше, если вам десять лет и вы все время торчите дома у дяди в Ван-Найсе или таскаетесь на пробы для рекламных роликов? Вернув книгу, я напрочь забыла про Мэриен. И почти про всех отважных женщин неба, честно. В восьмидесятые о Мэриен вдруг вышла одна мутная телепередача, ее немногочисленные неугомонные поклонники до сих пор стряпают свои версии в интернете, но она не заняла такого места, как Амелия Эрхарт. Многие считают, будто знают что-то об Амелии Эрхарт, хотя на самом деле ничего они не знают. Это вообще невозможно.

То, что меня часто бросали в библиотеке, оказалось неплохо, поскольку, пока остальные дети корпели в школе, я сидела на бесконечных складных стульях в бесконечных коридорах на всех кастингах для маленьких белых девочек из Большого Лос-Анджелеса (или для девочек неопределенной расы, что равнозначно белым) в сопровождении нянь или подружек дяди Митча — категории, которые иногда шли внахлест. По-моему, его барышни время от времени проявляли обо мне заботу, чтобы он увидел в них материнские наклонности, а стало быть, пригодный матримониальный материал, но, по правде сказать, для поддержания огня в отношениях со стариной Митчем так себе стратегия.

Мне было два года, когда родительская «Цессна» упала в озеро Верхнее. Так все полагали. Никаких следов не нашли. За штурвалом сидел мой отец, брат Митча, и направлялись они в хижину одного друга где-то в медвежьем углу — романтическая поездка с целью, как выразился Митч, воссоединения. Невзирая на мой нежный возраст, он говорил мне, что мать никак не могла остановиться и трахалась со всеми подряд. Его слова. Кажется, Митч не вполне разобрался в концепции детства. «Но они никогда и не разбежались бы», — еще говорил он. Зато в броских названиях Митч разобрался точно. Он начинал с постановок третьесортных телефильмов типа «За любовь нужно

платить» (про пристава таможенной службы) и «Убийство на День святого Валентина» (угадайте с ходу, про что).

Родители оставили меня на соседа в Чикаго, но, согласно их последней воле, меня всучили Митчу. Больше в общем-то никого не было. Никаких дядюшек, тетюшек, а бабушка с дедушкой представляли собой сочетание чего-то мертвого, чужого, далекого и ненадежного. Митча нельзя назвать плохим человеком, но натурой он обладал голливудской, предприимчивой, и не успела я прожить у него и нескольких месяцев, как он попросил меня об ответной услуге — принять участие в кастинге для рекламы яблочного пюре. Потом нашел мне агента, Шивон, и я с такой регулярностью снималась в рекламе, ток-шоу и телефильмах (в «Убийстве на День святого Валентина» играла дочь), что не помню, когда не играла и не пробовалась. Это казалось обычной жизнью: опять и опять ставить пластмассового пони в пластмассовое стойло, а кругом ездят камеры, и незнакомые взрослые говорят тебе, как надо улыбаться.

Когда мне исполнилось одиннадцать и Митч перешагнул от телефильмов недели к музыкальным клипам, а потом и вовсе, сцепив зубы, втиснулся в мир независимого кино, случился мой легендарный прорыв — роль Кейти Макги в детском кабельном ситкоме о путешествиях во времени под названием «Крутая жизнь Кейти Макги». На съемочной площадке я вела безукоризненную, окрашенную в леденцовые цвета жизнь — сплошные остроты, четкие сюжетные линии и комнаты с трех стен под раскаленным небом прожекторов. Шеголяя в столь вызывающе модных нарядах, что меня недолго было принять за подросткового духа времени, я нещадно переигрывала, после чего шла запись надрывного зрительского смеха. А когда не снималась, то благодаря нерадивости Митча делала по большому счету все, что хотела. Мэриен Грейвз писала в своей книге: «В детстве мы с братом гуляли сами по себе. Я считала — и долгие годы меня никто не переубеждал, — будто вольна делать что угодно и имею право ходить, куда только найду дорогу». Я, наверное, была задира и сорвиголова похлеще Мэриен, но мне думалось

так же. Мир стал моей устрицей, а свобода — соусом миньонетт. Жизнь подбрасывает тебе лимоны, ты срезаешь с них кожуру и украшаешь свой мартини.

Когда мне было тринадцать, бренд «Кейти Макги» стал бешено продаваться, а Митч, сняв «Турникет», вывалялся в успехе, как обдолбанная свинья в дерьме, и на наши с ним совместные гроши перевез нас в Беверли-Хиллз. Однажды, когда я уже не ошивалась в Долине¹, парень, игравший старшего брата Кейти Макги, познакомил меня со своими мерзкими богатыми друзьями-старшеклассниками, и те стали таскать меня с собой, водить на вечеринки и лазить в трусы. Митч, скорее всего, даже не заметил, как часто меня не было дома, поскольку его самого обычно тоже не было. Иногда мы, оба пьяные, сталкивались, возвращаясь домой в два-три ночи, и просто кивали друг другу, как участники какой-нибудь скандальной конференции в коридоре гостиницы.

Но выпадало и хорошее: тьюторы на съемках «Кейти Макги» оказались нормальные и твердили мне, что нужно поступать в колледж, а поскольку мне нравилось слово и сериал подошел к концу, я, обладая немалым дополнительным весом как телезвезда по разряду «Б», ввинтилась в Нью-Йоркский университет. Я уже сложила вещи и собралась в дорогу, как Митч жажнул передоза, и если бы я не была готова ехать, то, возможно, так и осталась бы в Лос-Анджелесе и тоже довечеринкалась бы до морга.

И еще кое-что, может, хорошее, а может, и плохое: после первого семестра мне дали роль в первом фильме «Архангел». Иногда я задумываюсь, что вышло бы, если бы я вместо кино окончила колледж, перестала сниматься и меня забыли бы, однако вряд ли я смогла бы отказаться от тех огромных денег, которые принесла мне Катерина. Значит, все остальное не суть важно.

В крупинке моего высшего образования нашлось время для введения в философию, и я узнала о паноптико-

¹ Долина Сан-Фернандо в Лос-Анджелесе, где располагаются многие известные киностудии. — *Прим. пер.*